

Талибан: криминальный негосударственный субъект или система органов власти?

Приход к власти в Афганистане движения «Талибан» стал главным инфоповодом августа 2021 г. Одним из главных вопросов, вставших перед правительствами по всему миру, стал вопрос о не только о перспективах, но в принципе о возможности сотрудничества с новыми хозяевами страны. С одной стороны, «Талибан» с 2003 г. включён ООН и Россией в список террористических организаций¹. С другой стороны, группировка на сегодняшний день является единственной властью в Афганистане, а её руководство неоднократно заявляло о стремлении к проведению «работы над ошибками».

Так чем же на самом деле является «Талибан» и можно ли ему доверять? Автор считает, что талибы, если судить в терминах дихотомии, вынесенной в заглавие данного эссе, являются чем-то средним, с постоянными перекосами то в одну, то в другую сторону, во многом под влиянием внешних факторов. И чтобы доказать это, сперва нам придётся быстро пройти по истории движения «Талибан».

«Талибан» был создан в 1994 году студентами сети медресе, открытых при поддержке арабских монархий в приграничных районах Пакистана для детей-афганцев, бежавших от войны. Идеология движения представляла собой синтез деобандизма (одного из фундаменталистских течений ислама) и пуштунвалая (ещё доисламского неписаного кодекса племён пуштунов, выходцами из которых было большинство талибов), поэтому неудивительно, что взгляды талибов отличались небывалой консервативностью даже по меркам монархий Залива.

За какие-то несколько лет «Талибан» смог пройти путь от одной из многих исламистских группировок, сражающихся за власть на просторах раздираемого гражданской войной Афганистана, до практически единственной реальной силы в стране. В 1996 г. талибами был провозглашён Исламский Эмират Афганистан (ИЭА), который был признан только Пакистаном, Саудовской Аравией и ОАЭ – тремя главными спонсорами движения. В стране был введён жёсткий шариат, буквально обрушивший страну в средневековье. Вместе с тем, движение занялось восстановлением страны, однако делало оно это на деньги от продажи наркотиков: так, к 2000 г. Афганистан производил 70% всего опия в мире².

¹ Движение «Талибан». Досье // ТАСС. 2015, 29 июля. URL: <https://tass.ru/info/2152632>

² Комиссина И.Н. Афганистан: наркоторговля и региональная безопасность // Центральная Азия и Кавказ. 2005, №6. С. 95.

Тем не менее, крупнейшим грехом «Талибана» в глазах мирового сообщества стало не это, а сотрудничество с террористической группировкой «Аль-Каида». У двух группировок имелись серьёзные идеологические разночтения³, что не помешало лидеру талибов мулле Омару принять в 1996 г. Осаму бен Ладена и в дальнейшем отказывать в его выдаче, ссылаясь на пуштунский кодекс гостеприимства, призывающий не выдавать гостя врагам. Так, в обмен на деньги бен Ладена и его боевиков Омар превратил Афганистан в рассадник международного терроризма.

Вместе с тем, в самом «Талибана» уже тогда намечался раскол на условных ортодоксов и технократов. Первые выступали за распространение фундаменталистского ислама по всему региону, другие же стремились добиться признания на международном уровне. Однако лидером первых был сам мулла Омар, поэтому за исключением косметических изменений, вроде запрета на производство (но не продажу) опиума в 2000 г., политика талибов оставалась неизменной.

Всё это вместе привело к краху режима талибов в результате операции «Несокрушимая свобода», проведённой США при поддержке афганского умеренного Северного альянса. Талибы были быстро разгромлены в регулярной войне, но ушли или в Пакистан, или в подполье и перевели противостояние в иррегулярную плоскость. Афганцы начали более активно поддерживать «Талибан», поскольку тот взял на себя роль движения сопротивления иностранной оккупации. Сами талибы также постепенно дрейфовали в сторону от крайне фундаменталистских позиций, что объясняется как необходимостью привлечь народ на свою сторону (хотя значительная часть афганцев и так придерживалась консервативных позиций), так и сменой поколений внутри самого движения. Движение эволюционировало не только в идеологическом, но и в структурном плане: в 2012 г. у него появился политический офис в Дохе, играющий роль дипломатического ведомства.

В итоге, к 2017 г. «Талибан» уже активно действовал на 70% территории Афганистана⁴. Более того, в провинциях работали так называемые «теневые правительства» талибов. Местные жители и чиновники свидетельствовали, что «“Талибан” правил более согласованно, чем когда-либо прежде» и де-факто контролировал жизнь за пределами Кабула и других крупных городов,

³ Семёнов, К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы // РСМД. 2021, 2 сентября. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/>

⁴ Исследование Би-би-си: влияние «Талибана» растёт // BBC News Русская служба. 2018, 31 января. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42885511>

взимая налоги и следя за распределением социальных благ⁵. В то же время, весомую часть доходов движения снова составляла прибыль от наркоторговли⁶.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, трудно считать молниеносное падение проамериканского режима Исламской Республики Афганистан (ИРА) в августе 2021 г. чем-то неожиданным или непредсказуемым. Взятие Кабула было предварено быстрым выходом давно существующих «теневых правительств» талибов из подполья и захват ими власти в провинциях, что попросту не оставляло президенту ИРА Ашрафу Гани иного выхода, кроме как сложить полномочия.

«Талибан» же тем самым во второй раз в своей истории качнул маятник в сторону «системы органов власти», восстановив Исламский Эмират Афганистан. Строго говоря, система эта не переставала полностью существовать в период существования ИРА, она просто уходила на нелегальное положение. Теперь же вся верхушка талибов заняла руководящие посты во временном правительстве Афганистана. Так, лидер «Талибана» Хайбатулла Ахундзада стал эмиром ИЭА, глава политического офиса в Дохе мулла Абдул Гани Барадар стал заместителем премьер-министра, глава группировки «Сеть Хаккани» Сираджуддин Хаккани возглавил МВД, а сын муллы Омара Якуб, руководивший военными операциями талибов, стал министром обороны. По меткому замечанию эксперта РСМД Кирилла Семёнова, подобная схема чем-то напоминает иранскую, с верховным духовным лидером во главе и подчиняющимися ему советом и правительством⁷.

Таким образом, мы видим, как «Талибан» усердно пытается показать, что он усвоил уроки прошлого и создаёт позитивный внешний имидж «нормального государства» у международного сообщества. Политическая верхушка без устали заявляет о предоставлении прав женщинам, дистанцируется от международных террористических групп вроде «Исламского государства» или «Аль-Каиды»⁸ и отказывается от производства наркотиков⁹. Однако картина на местах может серьёзно отличаться от оптимистичных заявлений политиков: идёт охота за

⁵ Jackson, A. Life under the Taliban shadow government // Overseas Development Institute. June 28, 2018. P. 5.

⁶ Окимбеков У.В. Афганистан: социально-экономическая жизнь под параллельной властью талибов // Восточная аналитика. 2019, №4. С. 95-98.

⁷ «Талибан» объявил состав правительства Афганистана // РБК. 2021, 7 сентября. URL: <https://www.rbc.ru/politics/07/09/2021/613779c49a79471e0f351829>

⁸ «Важные уроки»: изменился ли «Талибан» за последние 20 лет? // BBC News Русская служба. 2021, 17 июля. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-57825669>

⁹ Афганистан перестанет производить наркотики, заявил представитель талибов // РИА Новости. 2021, 17 августа. URL: <https://ria.ru/20210817/narkotiki-1746130486.html>

правозащитниками и оппозиционерами, а права женщин талибы понимают весьма специфично, согласно нормам шариата¹⁰.

В то же время, следует помнить и об отличиях афганского общества от общества западного типа, к которым относится и Россия. Многие нормы шариата, вроде публичного отрубания рук вора, по западным меркам могут казаться дикими и даже преступными. Для афганцев же такие реалии являются родными и традиционными, в особенности для тех из них, кто живёт в сельской местности, вдали от крупных городских центров. Многие из них сами будут протестовать, если талибы перейдут к соблюдению прав человека в их западном понимании.

Кроме того, «Талибан» является единой организацией главным образом лишь в военном отношении. Что касается административной власти на местах, то ею во многом обладают полевые командиры, придерживающиеся весьма консервативных взглядов и к политическому крылу организации и его заявлениям относящиеся со скепсисом, если не с презрением. Поэтому талибские дипломаты трижды подумают, прежде чем злить местных «варлордов».

Какие же выводы из этого следует сделать России? В первую очередь, следует крайне осторожно относиться к заявлениям талибских политиков. Афганистан сейчас находится в крайне тяжёлом экономическом положении (так, Международный валютный фонд предсказал падение ВВП Афганистана на 30%¹¹), поэтому ради возобновления притока гуманитарной и финансовой помощи «официальный» Кабул пойдёт на любые обещания, сдержать которые не факт, что захочет или даже сможет. Вот почему важно привязывать любые подвижки в двусторонних отношениях к конкретным шагам с афганской стороны.

Что касается вопроса об официальном признании новой власти в Кабуле, следует помнить, что каждый вариант будет сопряжён с определённого рода рисками. Признание правительства талибов может быть воспринято экстремистами не только в Афганистане, но и во всём мире как слабость и свидетельство того, что мировой общественностью можно и должно манипулировать.

С другой стороны, отказ в признании грозит спровоцировать «Талибан» на радикальный отказ от примирительной риторики, а, значит, приведёт к

¹⁰ Как талибы истребляют западные порядки в Афганистане // Взгляд. 2021, 15 октября. URL: <https://vz.ru/world/2021/10/15/1124214.html>

¹¹ Afghanistan's economy could shrink by 30% following Taliban takeover, IMF says // CNBC. October 20, 2021. URL: <https://www.cnbc.com/2021/10/19/afghanistan-economy-could-shrink-up-to-30percent-post-taliban-takeover-imf.html>

полной утрате надежд на дальнейшую эволюцию новых властителей Афганистана. Принципиальность международного сообщества может привести к очередному витку страданий афганских женщин и всех, кто не согласен с традиционалистской идеологией талибов.

Таким образом, к отношениям с Исламским Эмиратом Афганистан как на двустороннем уровне, так и в рамках многосторонних форматов, следует подходить крайне осторожно, но в то же время с твёрдых, взвешенных позиций. Нерациональным было бы предъявлять ко вчера ещё средневековому обществу весь пакет современных требований, однако мировое сообщество (и Россия в том числе) может и должно требовать от «Талибана» ограничить хотя бы наиболее яркие проявления исламского фундаментализма, вроде неоправданно широкого применения казней или же низведения женщин до положения неодушевлённых предметов.

Что же касается сугубо российско-афганских проблем, то здесь на передний план должны быть выдвинуты вопросы противодействия распространению экстремизма и наркотических веществ как на территории стран Средней Азии – членов ОДКБ, так и непосредственно самой России, а также обеспечения безопасности российской дипломатической миссии в Кабуле и вообще всех российских граждан, которые по какой-то причине остаются на территории Афганистана. И только тогда, когда «Талибан» по-настоящему покажет, что он является легитимной системой органов власти, а не криминальным субъектом, можно будет поднять вопрос о снятии с него статуса террористической организации и официальном признании Исламского Эмирата Афганистан.

*Юрк А.В., аспирант ФМО СПбГУ
участник Лаборатории аналитики ИАМП ДА МИД РФ*